

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

PAGES OF THE HISTORY OF PENZA REGION

УДК 947.084.55.6.1

doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-10

Женская эмансипация в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в.: ресурс и фактор (на материалах Пензенской губернии)

Н. А. Коблова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

nata_koblova@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Рост геополитической нестабильности и усиление вызовов национальной безопасности в современную эпоху актуализируют обращение к историческому опыту формирования адаптационных механизмов с учетом гендерной специфики публичного пространства. Цель исследования – выявить особенности становления правового статуса женщин и практик социального и нравственного служения в рамках либеральной модели второй половины XIX – начала XX в. в Российской империи. *Материалы и методы.* Исследование выполнено на основе исторических источников, выявленных в фондах Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Пензенской области. Используются материалы энциклопедических изданий, нормативно-правовые акты, статистические данные, сведения местной периодической печати. При решении исследовательских задач применялись сравнительно-исторический и гендерный методы, элементы историко-правового и социокультурного анализа. *Результаты.* Определены основные направления правового регулирования женского статуса в контексте либерального дискурса. Прослежены механизмы институционализации женской идентичности через расширение поля потенциального участия в общественной жизни. Установлено влияние демографических, правовых и военных факторов на эволюцию женской активности. Освещено участие женщин в земском самоуправлении и охарактеризованы их социальные роли в условиях мобилизационной экономики. *Выводы.* Историко-правовой анализ свидетельствует о том, что ограниченность правового статуса женщин, сопряженная с трансформацией социально-экономических условий и культурных норм, стала предпосылкой формирования «женского вопроса» и институализации женского движения в России. Проведенное исследование позволяет расширить представления о модернизационных процессах и усилении фемининного ресурса в условиях общественных трансформаций.

Ключевые слова: эмансипация, Пензенская губерния, вторая половина XIX – начало XX в., фемининность, гендерная идентичность, «женский вопрос»

© Коблова Н. А., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: исследование выполнено в соответствии с госзадаанием ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» «Практики духовно-нравственного служения в российской истории второй половины XIX – начала XXI вв.: на примере деятельности М. М. Киселевой и Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества» в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество» в 2025 г.

Для цитирования: Коблова Н. А. Женская эмансипация в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в.: ресурс и фактор (на материалах Пензенской губернии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 114–127. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-10

Female emancipation in the Russian province in the second half of the 19th – early 20th centuries: resource and factor (by the materials of Penza province)

N.A. Koblova

Penza State University, Penza, Russia
nata_koblova@mail.ru

Abstract. *Background.* The growing geopolitical instability and increased national security challenges in the modern era highlight the need to examine historical experiences of adaptive mechanisms, particularly in relation to gender dynamics in public space. This study aims to identify the key features in the development of women’s legal status and the practices of social and moral service within the liberal framework of the late 19th – early 20th century in the Russian Empire. *Materials and methods.* The research is based on historical sources identified in the collections of the State Archive of the Russian Federation and the State Archive of the Penza Region. It also utilizes materials from encyclopedic publications, regulatory legal acts, statistical data, and reports from the local press. In addressing the research objectives, the study applies comparative-historical and gender approaches, along with elements of legal-historical and socio-cultural analysis. *Results.* The main directions of legal regulation of women’s status within the liberal discourse have been identified. The mechanisms of institutionalizing female identity are traced through the expansion of opportunities for public participation. The influence of demographic, legal, and military factors on the evolution of women’s activity has been established. Women’s involvement in zemstvo self-government is highlighted, and their social roles in the context of a mobilized economy are characterized. *Conclusions.* The legal-historical analysis reveals that the limited legal status of women, combined with the transformation of socio-economic conditions and cultural norms, contributed to the emergence of the “woman question” and the institutionalization of the women’s movement in Russia. This research broadens the understanding of modernization processes and the growing role of the feminine resource amid societal transformations.

Keywords: emancipation, Penza province, second half of the 19th – beginning of the 20th century, femininity, gender identity, “women’s issue”

Financing: this research was conducted as a part of the state assignment of Penza State University “Practices of spiritual and moral service in Russian history from the second half of the 19th century to the early 21st century: the case of M.M. Kiseleva and the Penza Branch of the Imperial Orthodox Palestine Society” within the framework of the Fundamental

Research Program under the direction “Russia and the Middle East: historical, political, and cultural contacts and interrelations” supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Imperial Orthodox Palestine Society in 2025.

For citation: Koblova N.A. Female emancipation in the Russian province in the second half of the 19th – early 20th centuries: resource and factor (by the materials of Penza province). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(3):114–127. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-10

Рост геополитической нестабильности и появление новых вызовов национальной безопасности в современную эпоху вызывает необходимость мобилизации адаптационных ресурсов с учетом гендерной специфики публичного пространства, что, в свою очередь, задает параметры анализа исторического опыта сохранения преемственности традиций социального и духовно-нравственного служения в рамках реализации либеральной модели в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Становление юридической концепции определения женского правового статуса во второй половине XIX – начале XX в. происходило в рамках двух направлений: либерального (ориентировалось на равноправие полов и достижение социальной справедливости посредством образовательных и правовых реформ современного общества, но при этом возводило «мужские ценности» в ранг приоритетных для достижения и чрезмерно акцентировало проблему индивидуальной свободы) и марксистского (во главу угла ставило развитие самосознания женщины по отношению к участию в общественном производстве и революционных движениях) [1, с. 118].

В исторической ретроспективе репрезентация проблемы женской эмансипации в общественном сознании относится к концу XIX в., что прослеживается в росте публикационной активности в этом направлении и закреплении темы на уровне энциклопедических изданий. Так, «женский вопрос» многоаспектно и масштабно представлен в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (статьи: «Женское образование» [2, с. 864–873], «Женщина» [2, с. 873–879], «Женщина в гражданском праве» [2, с. 879–885], «Женщина в уголовном праве», «Женщины-врачи» и «Эмансипация женщин» [3, с. 704–708]), что отражает социальный заказ, актуальность осмысления острейшей фазы формирования фемининности – антитезы маскулинности, измеряемой особыми паттернами поведения и проявлениями идентичности как продукта социального конструирования, либеральной культуры в конце XIX – начале XX в. [4, с. 6–7]. В описываемых статьях детально раскрываются механизмы гендерной социализации, влияющие на выбор идентичности в соотнесении с функцией дифференциации половых ролей в семье. В своем пространном экскурсе в европейскую и русскую историю авторы доказывают определенную направленность происходивших трансформаций (стереотипизация образа «злой жены»): «Вместе с аскетической проповедью проникали в Россию воззрения на женщин как на источник всякого зла». Окончательно образ «злой жены» сложился в русской литературе в XVII в. Однако в это же время фиксируется появление женщин – поэтов-песенников и сказительниц, а в царствование Екатерины II число женщин, реализовавших себя в литературной деятельности, возрастает, по мнению энциклопедистов, до 70 человек [2, с. 878].

Отметим при этом, что понятие «эмансипация» трактуется словарем как «выход детей из-под родительской власти» [3, с. 703]. Эмансипация как синоним активности, движения женщин позиционируется в одноименной статье как стремление к уравниванию прав обоих полов. Здесь же присутствует и сравнительная характеристика современного женского движения в Европе и России. В европейских странах эмансипация проходила в двух направлениях: уравнивание с мужчинами в гражданских и политических правах и обеспечение экономической самостоятельности женщин посредством получения образования. Российское женское движение было ограничено сферой образования [3, с. 706].

В первую очередь авторы зафиксировали категорические отличия русского законодательства от западноевропейского в вопросе ограничения женщин в правах: «Никаких ограничений дееспособности женщины как таковой наше право не знало и не знает». Исключение составляли лишь две позиции по отношению к жене: «она не в праве выдавать векселя без согласия мужа, если не ведет торговли» и «не в праве наниматься в услужение или на работы без позволения мужа» [2, с. 883]. Так, при поступлении на курсы сестер милосердия, организованные в г. Пензе в 1877 г., кандидаткам нужно было предоставить свидетельство мужа о его согласии «на принятие женой обязанностей сестер Красного Креста» [5, с. 6].

Совершенно отсутствовали, по мнению авторов, и «ограничения в дееспособности женщин в области прав частно-публичных». Русские женщины имели право выступать в роли опекунов и попечительниц над посторонними лицами, свидетельницами при составлении завещания и разного рода актов, экспертами и третейскими судьями, в то время как в Австрии, Франции, Испании такие ограничения существовали [2, с. 883–885].

Вместе с тем фиксировалось сохранение ограничений в правах наследования [2, с. 883–885]. Вступая в права наследования, каждая женщина получала из недвижимого имущества четырнадцатую часть, а из движимого – восьмую часть [6, с. 65–66]. Законная жена получала из недвижимого имущества седьмую часть, а из движимого – четвертую [6, с. 70]. При этом каждый из супругов мог иметь и приобретать отдельную собственность. Приданное жены, равно как и имение, приобретенное ею или на ее имя, признавалось ее отдельной собственностью.

По нормам обычного права женщины не принимали участия в разделе отцовского имущества, но братья обязаны были дать сестрам «содержание и выдавать их замуж, снабдив приданным» [2, с. 885]. Отмечалась и обязанность родителей обеспечить своим дочерям благополучие в будущем («родители пекутся об отдаче дочерей в замужество»). С назначением же приданного происходил выдел дочерей и родственниц [6, с. 6–7]. Муж был обязан любить свою жену, жить с ней в согласии, обеспечивать пропитание и содержание. Жена же была обязана повиноваться мужу своему, ее права были ограничены в сфере трудоустройства (требовалось согласие мужа), равно как запрещалось отдавать в наем жен мужьями без согласия последних¹.

¹ Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. : в 129 т. Т. XXXIX. Отделение 1. 1864 г. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. 973 с. URL: <http://elibrary.ru/nodes/393-otd-nie-1-ot40457-41318-1867> (дата обращения: 28.05.2025).

Серьезным достижением современного права в энциклопедии был назван сенатский указ, открывший возможность для женщин крестьянского сословия получать (при наличии известных условий) вид на жительство без согласия мужа [3, с. 706]. Тем самым можно выделить ключевые направления эволюции правового статуса женщин, наиболее актуальные в контексте борьбы за равные права: получение отдельного вида на жительство (раздельное проживание с мужем), а также прав государственной службы (в 1898 г. принят закон о даровании прав государственной службы женщинам-врачам) [3, с. 707].

Активно обсуждался вопрос о расширении избирательных прав женщин в области земского самоуправления [3, с. 707]. Законодательство устанавливало особый порядок внесения лиц женского пола в список избирателей. Так, согласно Положению о губернских и уездных земских учреждениях (ст. 18), лица женского пола могли участвовать в муниципальных выборах только опосредованно – через поверенных, опекунов или попечителей, а также «уполномочивать на участие в выборах своих отцов, мужей, сыновей, зятьев и родных братьев»¹.

При этом «право участия» даже «через уполномоченных в выборе гласных» имели только владелицы определенного количества земли. Так, в мае 1883 г. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел затребовал у губернаторов сведения о фактах нарушения законодательства и циркулярных предписаний (еще от 1 декабря 1864 г. за № 190) и включении в списки избирателей лиц женского пола без учета размеров их владений [7, л. 1]. В ответ на поступивший запрос Городищенская земская уездная управа заявила о внесении женщин как землевладеллиц, в том числе и владевших недостаточным количеством земли (согласно п. 1 ст. 23 Положения о земских учреждениях, не менее 10 десятин, т.е. 1/20 части полного ценза), в списки избирателей для выбора уполномоченных, «дабы не лишать их возможности участвовать в сказанных выборах через доверенности своим ближайшим родственникам» [7, л. 3–3 об.]. Пензенская уездная земская управа ответила, что женщины (мелкие землевладеллицы) «в списки вносятся», но «на съезд не приглашаются и посему никакого участия в выборах не принимают и показываются в тех списках для одного лишь счета» [7, л. 4]. Аналогичные сведения поступили и из Краснослободского уезда. Председатель земской управы конкретизировал, что даже лица женского пола, владевшие землей в значительном размере, к участию в выборах допускаются только через поверенных. Необходимо отметить особое мнение уездных властей о том, что мелким землевладельцам женского пола необходимо предоставить право участия через поверенных, так как они участвуют «во всех земских повинностях наравне с уездными землевладельцами, имеющими право непосредственного голоса в избирательных съездах для выбора гласных» [7, л. 9–9 об.]. В Саранском уезде в списки вносились лица как мужского, так и женского

¹ Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. : в 129 т. Т. XXXIX. Отделение 1. 1864 г. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. 973 с. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/393-otd-nie-1-ot40457-41318-1867> (дата обращения: 28.05.2025).

пола. Этот принцип председатель управы посчитал более целесообразным, так как он давал возможность «пользоваться известным правом большому числу мелких владельцев в уезде [7, л. 11].

В Керенском, Мокшанском, Наровчатском, Нижнеломовском, Чембарском уездах женщин – мелких землевладельцев в списки не вносили, «по крайней незначительности таковых» «и жалоб от сих землевладельцев на невнесение их в списки никогда не возникало» [7, л. 5–7, 12]. В Инсарском уезде также отметили, что таковых землевладельцев в списки никогда не вносили, но отметили, что мелких землевладельцев следовало бы вносить в списки, «особенно из лиц привилегированного сословия, которых довольно немалое число» (например, в Инсарском уезде – до четвертой части из общего числа владельцев дворяне). По мнению председателя управы, «при распространении права участия в съездах мелких землевладельцев и на лиц женского пола можно надеяться, что на эти съезды будет являться большее число лиц, ибо остальные мелкие землевладельцы, состоящие преимущественно из крестьянского сословия, совершенно безучастно относятся к делам земства и в сказанных съездах всегда участвуют почти только одни священнослужители по владению церковными землями» [7, л. 10–10 об.].

Тем самым очевидно, что сохранение ограничений в правовом статусе женщин послужит основанием для оформления «женского вопроса» и возникновения «женского движения». В этом же ряду следует отметить влияние демографического и социально-экономического факторов, а также сохранение дискриминации в сфере образования и военный фактор.

Пореформенная эпоха стала временем демографического бума, когда вследствие снижения смертности (из-за изменения структуры и качества питания, развития земской медицины и санитарно-гигиенической культуры населения, социальных ожиданий решения «земельного вопроса») происходит стремительное увеличение численности населения, что не компенсировалось падением брачности [8, с. 88]. Так, смертность населения в Пензенской губернии снижается с 41,5 человека (в расчете на тысячу населения) в 1875 г. до 33,7 – в 1900 г., 33,6 – в 1910 г. [9–11]. Значения же абсолютного показателя естественного прироста (превышение числа родившихся над числом умерших) колебались в следующих пределах: 1875 г. – 18,2 в расчете на тысячу населения; 1877 г. – 19 (несмотря на существенное снижение брачности в связи с началом Русско-турецкой войны); 1885 г. – 17,5; 1892 г. – единственный год, когда показатель смертности превысил показатель рождаемости на 6378 человек [12, с. 18; 13, с. 21; 14, с. 40]. В начале XX в. динамика естественного прироста была отмечена ощутимым снижением до 30 669 человек в 1913 г. (15,3 в расчете на тысячу человек населения) и ростом в 1914 г. – 36 204 человека (17,7 в расчете на тысячу человек населения) [15–17].

В целом же во второй половине XIX – начале XX в. численность населения Пензенской губернии выросла в два раза: с 1 068 021 души жителей (518 799 мужчин и 594 222 женщины) в 1864 г. до 2 045 822, из них 1 007 161 мужчина и 1 038 661 женщина в 1914 г. [18, с. 16, 18–28]. При этом низкий уровень индустриализации и урбанизации российской провинции заблокировали формирование адаптационных ресурсов и способствовали накоплению протестного потенциала в среде патриархально ориентированного крестьянства. Так, за период с 1880 по 1905 г. население Пензы увеличи-

чилось на 43,4 % и составило 64 161 человек, за 1905–1911 гг. – еще на 24 % (по полицейским сведениям, в 1911 г. в г. Пензе было учтено 79 552 человека, в том числе 40 550 мужчин и 39 002 женщины), но доля губернского центра в общей численности населения губернии не превышала 4,2 % [19, с. 36; 20, с. 163]. Это привело к накоплению кризисных явлений социально-экономического и социокультурного порядков и обеспечило революционный взрыв в начале XX столетия.

Не менее важным фактором роста социальной активности женщин выступает их включенность в экономические процессы. К сожалению, в этом вопросе мы сможем опереться лишь на данные Всеобщей переписи 1897 г., в ходе которой в губернии было учтено 267 552 мужчины и 54 431 женщина в числе лиц, имевших самостоятельные занятия, в том числе в сферах: администрации, суда и полиции – 2131 мужчина и 2 женщины; общественной и сословной службы – 1457 мужчин и 10 женщин; частной юридической практики – 73 мужчины и 2 женщины; проституции – 34 женщины. Наиболее заметным было присутствие женщин: в изготовлении одежды – 6100 мужчин и 1541 женщина; обработке волокнистых веществ – 1941 мужчина и 2283 женщины; земледелии – 195 686 мужчин и 19 801 женщина; службе частной (прислуга, поденная работа) – 12 248 мужчин и 11 455 женщин; учебной и воспитательной деятельности – 913 мужчин и 505 женщин; врачебной и санитарной деятельности – 652 мужчины и 318 женщин; науки, культуры и искусства – 78 мужчин и 17 женщин; богослужении православного вероисповедания – 2313 мужчин и 3186 женщин; на железных дорогах – 2324 мужчины и 174 женщины; на почте, телеграфе, телефоне – 361 мужчина и 17 женщин, в кредитных и общественных коммерческих учреждениях – 94 мужчины и 3 женщины; в трактирах, гостиницах, меблированных комнатах, клубах – 1071 мужчина и 253 женщины [21, с. 168].

В сфере самостоятельного сельскохозяйственного производства гендерная специфика занятости выразилась следующими данными: кустарное производство льняных и пеньковых изделий – 48 мужчин и 676 женщин, выделка овчин и мехов – 582 и 46 соответственно, производство колесных ободьев, дуг, оглобель и пр. – 2336 и 109, производство винокуренное, спиртоочистительное и водочное – 192 и 16, мукомольное и круподерное производство – 2030 и 36, изготовление мужской одежды – 3196 и 285, плотники – 5201 и 178. И даже в ломовом извозном промысле было занято 43 женщины при 1738 мужчинах, в числе чернорабочих и поденщиков учтено 253 женщины при 2055 мужчинах [21, с. 228–234].

Пореформенное время отмечено серьезными подвижками в деле развития женского образования и становления системы среднего женского образования. Так, в 1843 г. был принят Устав, на основании которого открываются епархиальные училища, имевшие специальную программу подготовки для будущих жен священников, в то время как ранее девушки могли довольствоваться только домашним воспитанием или обучением при монастырях [22, с. 55]. Первоначально существовали сословные привилегии для дочерей священников при поступлении в данные учебные заведения, с 1868 г. в училища стали принимать лиц всех состояний.

Рождение женского гимназического образования соотносится с датой 19 апреля 1858 г., когда открывается четырехклассное женское училище во введении учреждений императрицы Марии Александровны, с 1862 г.

переименованное в гимназию [23, с. 147]. Положение о женских гимназиях и прогимназиях министерства народного просвещения было утверждено 24 мая 1870 г. [24, с. 701–705]. Но при этом необходимо отметить качественное отличие принятого документа от Устава гимназий и прогимназий ведомства министерства народного просвещения от 19 ноября 1864 г., определявшего цель гимназического обучения как подготовку для поступления в высшие учебные заведения. Женщины такой возможности были лишены. Единственной перспективой их дальнейшей профессиональной самореализации Положением определялось получение звания учительницы по окончании восьмого дополнительного класса гимназии [23, с. 150].

Дополнительными рисками развития среднего женского образования, по мнению В. Я. Стоюнина, стали: неприятие всесословного характера гимназий со стороны привилегированных классов; недостаток классического образования («не научает говорить по-французски»); а также тот факт, что гимназистки не довольствуются программой гимназического обучения, а «по окончании курса ищут новых познаний и пристращаются к науке» [23, с. 151]. Тем не менее в его представлениях «семья непременно должна была выиграть от такого направления образования», так как сближение двух полов «в общих духовных интересах жизни должно непременно поднять нравственный уровень не только семьи, но со временем и самого общества» [23, с. 152].

27 декабря 1884 г. в целях корректировки принятых ранее решений при Министерстве народного просвещения была учреждена специальная Комиссия по женскому образованию, и в апреле 1885 г. в канцелярию пензенского губернатора последовал запрос о числе окончивших курс со званием домашней учительницы в женских гимназиях и о числе домашних учительниц, остававшихся без мест, на основе поступающих в министерство сведений о переполненности женских гимназий учащимися [25, л. 1]. Свою позицию в этом вопросе пензенский губернатор А. А. Татищев обозначил следующим образом: «Отсутствие профессиональных школ для женского образования в Пензенской губернии естественно вызывает стремление людей даже недостаточного состояния отдавать своих дочерей в гимназии и прогимназии, где нередко можно встретить детей кухарок, дворников и другой прислуги. Желание дать дочерям образование и тем вывести их из своей среды на поприще более легкой деятельности весьма понятно в родителях, но, к сожалению, оно в большей части случаев остается не достижимым, и такое стремление вместо желаемой пользы приносит страшный вред. Большинство бедняков оказываются не в состоянии пройти полный курс гимназического образования и вынуждены бросить его иногда в самом начале. Между тем, побывав в иной обстановке, среди дочерей интеллигентного или состоятельного класса, бедная девочка уже не легко мирится со своей домашней обстановкой. Она смотрит с пренебрежением на труд родителей, в ней возбуждается презрение к нему и злоба на отца и мать, что они не могли дать ей лучшее положение. Оторвавшись, таким образом, от скромной сферы трудовой жизни ремесленника, работника или слуги, без образования и знания, эти недоучки пускаются в разврат или становятся в ряды лиц, недовольных существующим строем государственного порядка и управления» [25, л. 13–14]. Отметим, что из 1252 учениц, поступивших в 1875–1885 гг. в пензенские

женские гимназию и прогимназию, окончило курс только 530 человек. Словная картина эффективности женского образования в губернии оценивалась губернатором следующим образом: из 497 дочерей дворян и чиновников окончили курс 251 человек; из 554 лиц духовного звания – 51 человек; из 537 купцов и мещан – 177 человек; из 164 крестьян и других сословий – 51 человек [25, л. 14]. В силу этого Татищев решительно настаивал на необходимости открытия в городах губернии женских профессиональных школ, но не гимназий [25, л. 14 об.].

На рубеже XIX и XX вв. в русле зародившегося женского движения в России оформляются контуры публичной сферы, в коих присутствовали признаки гендерной дискриминации. К 1906 г. Союз равноправности женщин подготовил законопроект «О равноправии женщин», содержание которого позволяет реконструировать основные устремления россиянок в отношении гражданских прав [26]¹. Так, обретение равенства с лицами мужского пола предполагало дарование права избирать и быть избранной (в том числе право участия в земских избирательных собраниях и при избрании гласных по Городовому положению при достижении возраста 25 лет); права занятия должностей по государственной службе (за исключением действительной военной службы; требование отмены «воспреещения» женщинам занимать канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях по Уставу о службе, за исключением учреждений ведомства Марии Федоровны); права получать звания; поступать в высшие учебные заведения (за исключением Духовных академий и военных вузов); наследовать на равных основаниях; права на распоряжение своим имуществом при вступлении в брак, приобретение и отчуждение, вступление в сделки, выступление в суде и пр. без согласия мужа; права на раздельное проживание («Не могут они также быть понуждаемы к совместному с мужем жительству») [26, л. 4 об. – 6]. Равенство женщин подчеркивалось изъятием самого термина «жена», наделенного гендерно-дискриминирующей коннотацией, и его заменой на «супруги», «супругам» [26, л. 8]. Следует указать и на требования отмены: присвоения корпоративных прав по состоянию и званию мужа (замена на определение брака как обязанности «супружеской верности, взаимного попечения и помощи друг другу»); необходимости повиноваться своему мужу как главе семейства; в статусе приоритетного – обязанности совместного проживания для супругов («при перемене постоянного жительства мужа жена должна следовать за ним») на свободу волеизъявления при проживании («супруги не могут быть понуждаемы к совместному жительству») [26, л. 9 об. – 10]. Предлагалось внести изменения в Почтовый и Телеграфный уставы с целью изъятия дискриминирующего положения о согласовании допуска женщин к исполнению обязанностей с министром внутренних дел и ссылки на особые правила; в Устав о паспортах для отмены условия нахождения при муже для получения вида на жительство и требование получения отдельного вида на жительство для каждого из супругов и т.д. [26, л. 15–16, 21]. К сожалению, общедемократические требования равноправия так и остались общественной инициативой и законодателей не заинтересовали.

¹ О равноправии женщин : законопроект, составленный юридической комиссией при Союзе Равноправия женщин. СПб. : Издание О. Н. Клириковой, 1906.

Травмирующим и колоссальным по степени влияния фактором следует рассматривать Первую мировую войну, и в первую очередь мобилизационные кампании. Анализ данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи позволил С. Д. Морозову сделать вывод о том, что к 1917 г. 29,2 % всех хозяйств в Пензенской губернии осталось без мужчин. В структуре рабочей силы в крестьянском хозяйстве Центральной России в 1917 г. женщины составляли 71,9 %, или почти 3/4 всех трудоспособных лиц [27, с. 75–76]. В составе населения из-за нарушения нормальной половозрастной структуры происходят глубокие и необратимые изменения в отношении брачности и других показателей. Причинами нарушений выступают: повышенная смертность, прежде всего массовая гибель молодых мужчин на полях сражений, и пониженная рождаемость в военные годы. В общей сложности число нерезультативных браков по 50 губерниям России за годы Первой мировой войны оценивается в 1,7 млн [28, с. 51]. В Пензенской губернии в 1914 г. число браков сократилось более чем в два раза и составило 11 166 (42 % к числу браков 1913 г.) [17]. Это намного превышало общероссийские показатели (83 % к числу браков в 1913 г.). Падение показателя до отметки в 42 % в целом по России происходит только в 1915–1916 гг. [28, с. 50].

За годы Первой мировой войны существенно изменился гендерный состав занятости в российской экономике. Так, в 1914 г. в обрабатывающей промышленности Центральной России было зарегистрировано 36,7 % женщин, в то время как в 1917 г. – 46,6 %, в текстильной промышленности – соответственно 55,8 и 64,5 %, а по другим отраслям – 17,7 и 28,7 % [27, с. 73].

Таким образом, характеризуя демографические процессы в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в., необходимо отметить объективные факторы укрепления позиции женщин как ключевого адаптационного ресурса при переходе к обществу модерна: аграрное перенаселение и реактуализацию общинного архетипа, а также массовое изъятие трудоспособного мужского населения в ходе мобилизационных кампаний в периоды военных конфликтов.

Список литературы

1. Латыпова Д. Ф. Генезис института правового положения женщин: от римского права к современности. Уфа : РИО БашГУ, 2003. 125 с.
2. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. СПб. : Типолит. И. А. Ефрона, 1894. Т. ХІА. 958 с.
3. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. СПб. : Типолит. И. А. Ефрона, 1904. Т. ХІА. 956 с.
4. Чернышева А. В., Спирюгова А. Г. Мужскость и феминность в современном обществе: тенденции трансформации // Гуманитарный вестник. 2021. Вып. 6. С. 1–19. URL: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2021-6-754>
5. Пензенские губернские ведомости (ПГВ). 1877. № 62.
6. Законы о женщинах : сб. всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц жен. пола / сост. Я. А. Канторович. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 272 с.
7. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 5796.
8. Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР : сб. ст. / под ред. и с предисл. А. Г. Вишневского. М. : Статистика, 1977. С. 83–104.

9. Обзор Пензенской губернии за 1875 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза : Типография губернского правления, 1876. 131 с.
10. Обзор Пензенской губернии за 1900 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза : Типография Губернского правления, 1901. 88 с.
11. Обзор Пензенской губернии за 1910 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза : Типография Губернского правления, 1911. 61 с.
12. Обзор Пензенской губернии за 1877 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза : Типография Губернского правления, 1878. 116 с.
13. Обзор Пензенской губернии за 1885 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза : Типография Губернского правления, 1886. 82 с.
14. Обзор Пензенской губернии за 1892 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза : Типография Губернского правления, 1893. 78 с.
15. Обзор Пензенской губернии за 1911 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза : Типография Губернского правления, 1912. 63 с.
16. Обзор Пензенской губернии за 1912 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза : Типография Губернского правления, 1913. 66 с.
17. Обзор Пензенской губернии за 1914 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза : Типография Губернского правления, 1915. 68 с.
18. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел : в 65 т. Т. XXX. Пензенская губерния. По сведениям 1864 г. СПб. : Тип. Карла Вульфа, 1869. 120 с.
19. Пензенская епархия. Историко-статистическое описание. С картою Пензенской губернии. Пенза : Типография губернского правления, 1907. 321 с.
20. Памятная книжка Пензенской губернии за 1911–1912 гг. Пенза : Пензенский губернский статистический комитет, 1911. 326 с.
21. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 89 т. Т. XXX. Пензенская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Тип. кн. В. П. Мещерского, 1903. 257 с.
22. Кукленко О. М. Социально-правовой статус и семейное положение женщин духовного сословия Российской империи во второй половине XIX века // Научный альманах стран Причерноморья. 2023. № 9 (3). С. 53–59.
23. Стоюнин В. Я. Образование русской женщины (По поводу двадцатипятилетия русских женских гимназий) // Исторический вестник. 1883. Т. XII, № 4. С. 125–153.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. Т. XXXXV. Отделение 1. 1870 г. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1874. № 48406. С. 701–705. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 26.05.2025).
25. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5901.
26. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 516. Оп. 1. Д. 8.
27. Морозов С. Д. Центральная Россия в 1897–1917 гг.: проблемы социальной структуры. М. : ИРИ РАН ; Пенза : ПГУАС, 2009. 294 с.
28. Ильина И. П. Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР : сб. ст. / под ред. и с предисл. А. Г. Вишневского. М. : Статистика, 1977. С. 50–82.

References

1. Latypova D.F. *Genezis instituta pravovogo polozheniya zhenshchin: ot rimskogo prava k sovremennosti* = *The genesis of the institute of the legal status of women: from Roman law to the present*. Ufa: RIO BashGU, 2003:125. (In Russ.)
2. *Entsiklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona: v 86 t.* = *Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron: in 86 volumes*. Saint Petersburg: Tipo-lit. I.A. Efrona, 1894;XIA:958. (In Russ.)

3. *Entsiklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona: v 86 t. = Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron: in 86 volumes.* Saint Petersburg: Tipo-lit. I.A. Efrona, 1904;XLA:956. (In Russ.)
4. Chernysheva A.V., Spiruygova A.G. Masculinity and femininity in modern society: trends of transformation. *Gumanitarnyy vestnik = Bulletin of humanities.* 2021;(6):1–19. (In Russ.). Available at: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2021-6-754>
5. *Penzenskie gubernskie vedomosti (PGV) = Penza Provincial Proceedings.* 1877;(62). (In Russ.)
6. Kantorovich Ya.A. (comp.). *Zakony o zhenshchinakh: sb. vseh postanovleniy deystvuyushchego zakonodatel'stva, otnosyashchikhsya do lits zhen. pola = Women's Laws: A collection of all provisions of current legislation relating to women.* Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1899:272. (In Russ.)
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. 5. Op. 1. D. 5796 = State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 5796.* (In Russ.)
8. Mironov B.N. Traditional demographic behavior of peasants in the 19th – early 20th centuries. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR: sb. st. = Marriage, birth and mortality rates in Russia and the USSR: collected articles.* Moscow: Statistika, 1977:83–104. (In Russ.)
9. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1875 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysheму otchetu penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1875. Appendix to the most humble report of the Penza Governor.* Penza: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1876:131. (In Russ.)
10. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1900 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysheму otchetu penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1900. Appendix to the most humble report of the Penza Governor.* Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1901:88. (In Russ.)
11. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1910 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysheму otchetu penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1910. Appendix to the most humble report of the Penza Governor.* Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1911:61. (In Russ.)
12. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1877 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysheму otchetu Penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1877. Appendix to the most humble report of the Penza Governor.* Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1878:116. (In Russ.)
13. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1885 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysheму otchetu penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1885. Appendix to the most humble report of the Penza Governor.* Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1886:82. (In Russ.)
14. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1892 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysheму otchetu penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1892. Appendix to the most humble report of the Penza Governor.* Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1893:78. (In Russ.)
15. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1911 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysheму otchetu Penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1911. Appendix to the most humble report of the Penza Governor.* Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1912:63. (In Russ.)
16. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1912 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysheму otchetu penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1912. Appendix to the most humble report of the Penza Governor.* Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1913:66. (In Russ.)
17. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1914 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysheму otchetu penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1914. Appendix to the most*

- humble report of the Penza Governor*. Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1915:68. (In Russ.)
18. *Spiski naselennykh mest Rossiyskoy imperii, sostavlennye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del: v 65 t. T. XXX. Penzenskaya guberniya. Po svedeniyam 1864 g. = Lists of settlements in the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs: in 65 volumes. Penza Province. According to the information of 1864*. Saint Petersburg: Tip. Karla Vul'fa, 1869:120. (In Russ.)
 19. *Penzenskaya eparkhiya. Istoriko-statisticheskoe opisanie. S kartoyu Penzenskoy gubernii = Penza Diocese. Historical and Statistical Description. With a Map of Penza Province*. Penza: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1907:321. (In Russ.)
 20. *Pamyatnaya knizhka Penzenskoy gubernii za 1911–1912 gg. = Memoir Book of the Penza Province for 1911–1912*. Penza: Penzenskiy gubernskiy statisticheskiy komitet, 1911:326. (In Russ.)
 21. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: v 89 t. T. XXX. Penzenskaya guberniya = The First General Population Census of the Russian Empire, 1897: in 89 volumes. Volume 30. Penza Province*. Saint Petersburg: Tip. kn. V.P. Meshcherskogo, 1903:257. (In Russ.)
 22. Kuklenko O.M. Social and legal status and marital status of women of the lower class of the Russian Empire in the second half of the 19th century. *Nauchnyy al'manakh stran Prichernomor'ya = Scientific Almanac of the Black Sea Countries*. 2023;(9):53–59. (In Russ.)
 23. Stoyunin V.Ya. Education of Russian women (on the occasion of the 25th anniversary of Russian women's gymnasiums). *Istoricheskiy vestnik = Bulletin of history*. 1883;XII(4):125–153. (In Russ.)
 24. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. 12 dekabrya 1825 – 28 fevralya 1881 gg. T. XXXV. Otdelenie 1. 1870 g. = Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. December 12, 1825 – February 28, 1881. Volume 45. Section 1. 1870*. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1874;(48406):701–705. (In Russ.). Available at: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (accessed 26.05.2025).
 25. *GAPO. F. 5. Op. 1. D. 5901 = State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 5901*. (In Russ.)
 26. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 516. Op. 1. D. 8 = State Archive of the Russian Federation. Fund 516. Item 1. File 8*. (In Russ.)
 27. Morozov S.D. *Tsentral'naya Rossiya v 1897–1917 gg.: problemy sotsial'noy struktury = Central Russia in 1897–1917: issues of social structure*. Moscow: IRI RAN; Penza: PGUAS, 2009:294. (In Russ.)
 28. Il'ina I.P. The impact of wars on the marriage rate of Soviet women. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR: sb. st. = Marriage, birth and mortality rates in Russia and the USSR: collected articles*. Moscow: Statistika, 1977:50–82. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Андреевна Коблова

соискатель, ассистент кафедры истории России и методики преподавания истории, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: nata_koblova@mail.ru

Nataliya A. Koblova

Applicant, assistant of the sub-department of history of Russia and methods of teaching history, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 02.06.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.07.2025

Принята к публикации / Accepted 15.08.2025